

ГОСПОДА АРТИСТЫ

Игорь Марков: Иногда
становится
грустно.
Хочется
разнообразия...

Танцовщиком XXI века называют Игоря Маркова, премьера труппы Бориса Эйфмана. Обладатель премий «Золотой софит» и «Золотая маска», Марков недавно удостоен звания заслуженного артиста России. Трудно представить, что Марков не принадлежал к числу лучших учеников Академии русского балета имени Вагановой и по этой причине не попал в Мариинский театр. Путь на балетный олимп он преодолел сам — без чьей-либо помощи и протекции, без раскрутки и интриг, никого не расталкивая локтями. Еще по одной причине любят артиста в балетном мире — у него нет завистников, покушающихся на его репертуар: роли Маркова — это только его роли, для него поставленные. Сейчас танцовщик готовит главную партию Павла I в новом балете Бориса Эйфмана.

— Игорь, расскажите, пожалуйста, о роли, которую вы сейчас готовите.

— Извините, но мне не хотелось бы говорить о еще не сделанной работе. Это мое правило.

— Роль будет принципиально новой для вас?

— Очень на это надеюсь. Всегда хочется, чтобы новый образ отличался от прежних, хотя опыт прошлого, конечно, остается.

— Вам трудно готовить новую роль?

— Это каждый раз трудно.

— Физически или эмоциональ-
но?

— Я не делаю различия между этими состояниями. Нельзя создать «физическое лицо», а затем наложить на него какие-то переживания. Пластика рождается, если прислушаешься к эмоциям, и, наоборот, чувства окрашивают движения.

— Вас часто называют alter ego Эйфмана. Не обидно?

— Никогда не думаю об этом. У меня есть моя работа, а кого как называют, меня не волнует.

— Вам достаточно вашего репертуара или хочется станцевать что-то еще?

— Танцевать по одной роли в год — очень мало. Балетмейстер имеет право выпустить один спектакль в год или несколько миниатюр, а танцовщик должен меняться, постигать разные стили, разную хореографию.

— Как происходит процесс создания образа: что идет от Эймана, а что вы, артисты, можете вложить своего?

— Эйфман приходит в зал со своей идеей, порою нам еще не понятной. Начинаем обсуждать, пробовать. Конечно, мы можем предлагать только какие-то частные решения, ведь в целом спектакль до премьеры живет лишь в воображении Эйфмана. Никогда не считаем, кто сколько вложил, задача у всех одна — сделать спектакль.

— После премьеры хореографию Эйфмана порою ругают, а артистов хвалят. Отражаются ли такие неоднозначные оценки на коллективе театра?

— Я не понимаю, почему так происходит. Что значит «плохая» хореография? Относительно чего «плохая», какие критерии? В Америке и в Голландии о нас писали много хорошего, и нигде не говорили отдельно о хореографии Эйфмана и ее исполнении танцовщиками. Зарубежные критики видят мировой балет, а наши вряд ли знают, что происходит в западных труппах. Может быть, кто-то смотрит записи, но по каскетам судить о балете невозможно.

— Во время гастролей вы, вероятно, видите многие труппы?

— К сожалению, нет. Мы даже здесь многое не можем увидеть, а тем более там. Не могу припомнить случая, когда мы посмотре-

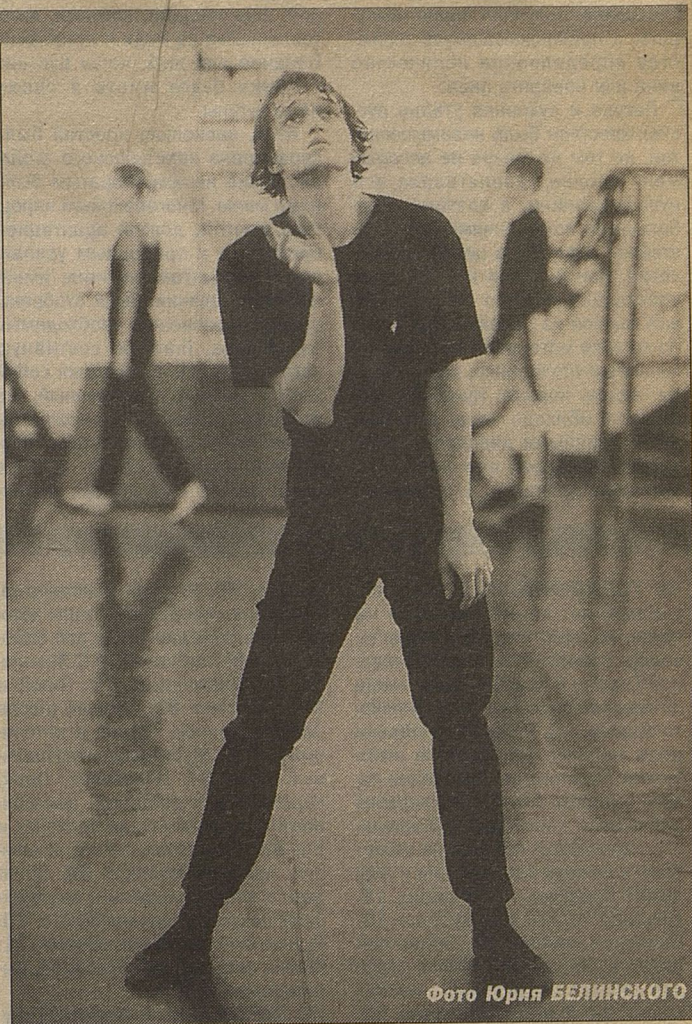

Фото Юрия БЕЛИНСКОГО

ли что-то за границей.

— Следовательно, ваш упрек петербургским критикам можно отнести и к вам самим?

— В общем, да.

— Говорят, вы поступили на балетмейстерское отделение Академии русского балета.

— Очень сложно совмещать работу в театре и занятия. Правда, учебный процесс у нас своеобразный, педагоги часто приезжают к нам сами читать лекции.

— Вы что-то уже поставили?

— Я попробовал, но не закончил, времени не хватило. Я встаю в восемь утра, веду дочку к девяти в школу. Прихожу в театр, разогреваюсь, и в одиннадцать начинается урок, за ним репетиция. Потом три часа свободных, за это время нужно поест, сходить на массаж, поспать, чтобы восстановиться к вечерней репетиции, которая идет с семи до десяти. После этого остается только доехать до дома, поужинать и в час ночи лечь спать. Если возникают житейские проблемы, приходится привлекать родственников.

— А выходной как проводите?

— Обычно дома с ребенком. По-другому редко получается. Иногда становится грустно, хо-

чается разнообразия... Но утром снова приходишь в зал, и все печали забываются.

— Когда вы находите время для музеев, чтения?

— Читать удастся в поездках. Там свободное расписание, автобусная жизнь. Когда есть большой перерыв перед вечерним спектаклем, можно сходить в местный музей.

— У вас балетная семья?

— Жена — артистка балета в труппе Аскольда Макарова, а родители к балету отношения не имеют. Я два раза поступал в Академию Вагановой. Учеником считался не лучшим. Меня это задело, и я решил доказать, на что способен, но в выдающиеся выпускники так и не вышел и в Мариинский театр, куда хотел, как все, не попал. Тогда вместе с женой поехал в Новосибирск, там труппа сильная, репертуар хороший. Когда через год вернулся в Петербург, показывался в Мариинский театр, но не взялся. Тогда пошел к Эйфману, и не жалую. Я знал, что труппа хорошая, актеры одержимые, но что театр поднимется до таких высот, как сейчас, не предполагал. Слава Богу, что так произошло!

Лариса АБЫЗОВА

Вечерний Петербург 21 июля - 1999 -
(N 130) с 3.